

КОГДА художнику шестьдесят, ему есть что вспомнить. Мы сидим с Ильей Яковлевичем Мендковичем в его рабочем кабинете, и нас обступают эскизы и афиши разных лет, созданные им за долгие годы работы.

Тридцать лет жизни отданы театру. Разные годы, разные течения в театральном искусстве. Он улыбается, вспоминая, почти натуральные украинские подсолнухи, плетни и хаты под соломой в первом своем спектакле «Свадьба в Малиновке», поставленном в Астраханском музыкальном театре. В то время выстраивали на сцене натуральные комнаты, сажали натуральные деревья.

В театральном оформительском искусстве много было различных течений, иные из них находили свое отражение в творчестве художника, чутко отзывавшегося на все новое, что возникало в жизни театра, искусства. Но не каждое из них оставило яркий след в его биографии, зато каждое добавляло опыта, от-

личает яркая образность, бросакая театральная деталь, которая, раскрывая замысел режиссера, в то же время указывает эпоху, в которую происходит действие, создает стиль спектакля. Например, в комедии С. Алешина «Тогда в Севилье» при первом же открытии занавеса бросается в глаза огромная, как бы парящая в воздухе шляпа кабальеро, переkreщенная шпагами. И это сразу вводит в атмосферу легкой и иронично-пародийной игры, соучастником которой становится зрительный зал.

А в спектакле «Цезарь и Клеопатра» мир иносказаний Шоу воплотился в почти оперной пышности, яркости, приподнятости декораций, на фоне которых ломаются судьбы, льется кровь, попирается человеческое достоинство и торжествуя холодная, расчетливая жестокость.

Работа художника совместно с режиссером над оформлением будущего спектакля складывается по-разному. Иногда режиссер предлагает

оформления спектакля перерастает порой в целую проблему. И как важно художнику разобраться в этой проблеме, отличить подлинную современность от моды, не переступить ту грань, где естественно, вытекающее из режиссерского замысла решение перерастает в желание просто оформить спектакль «по-современному», чтобы не отстать «от века».

Плодотворной была работа Мендковича над спектаклем по пьесе о Чехове — «Если тебе нужна моя жизнь». Илья Яковлевич предлагал и сам отвергал один вариант за другим, пока, наконец, не родился художественный образ спектакля: вокзала-перроня, как символа встреч и расставаний, из которых состоит человеческая жизнь и состояла жизнь Чехова. В холодный, казенный мир Петербурга Чехов приходит из своего мира. По замыслу художника, этот мир символизирует знаменитая меликовская аллея, на сцене мы видим ее в разные времена года.

А вот оформление спектакля «Золотая карета», поставленного П. Л. Монастырским и получившим вторую премию на всесоюзном фестивале спектаклей, посвященных 30-летию Победы, — родилось легко. Образ спектакля подсказала сама драматургия Леонова. На сцене — прочные, уходящие к небу строительные леса, перекрытые деревянными мостками. За ними видны контуры развалин и уходящее вдаль небо. И такая простая, обыденная, казалось бы, деталь, как строительные леса, обретает у художника и режиссера глубокий смысл, становится символом мирной жизни, будущего строительства.

Много дел у главного театрального художника. Эскизы нужно превратить в макеты, по которым в цехах театра создадут декорации. Костюмы, грим актеров, мебель, свет — за всем этим ведет наблюдение он же, главный художник.

Недавно Илье Яковлевичу присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР.

...За окнами кабинета опускаются густые сумраки. Хозяин включает лампу под абажуром, спускаясь на длинном проводе к его рабочему столу, она тихо покачивается. Неясные тени бегут по стенам. В полосе света попадает то один, то другой эскиз. Знаменитый, так хорошо запомнившийся нам парход — финальная сцена из спектакля «Фома Гордеев». Афиша на болгарском языке, а под ней — эскиз к «Ревизору» Гоголя, который был поставлен в Стара Загоре. Совсем недавно П. Л. Монастырский закончил в городе-побратиме постановку пьесы М. Горького «Зыковы», оформление — Мендковича. Причем делал его заново, оно совершенно не похоже на оформление нашего спектакля «Зыковы». Мысль художника никогда не стоит на одном месте.

На рабочем столе художника лежат эскизы к спектаклю по пьесе А. Арбузова «Старомодная комедия». Это его последняя работа, а впереди — новые спектакли и новые поиски.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

тачивало мастерство, становилось одним из этапов на пути к творческой зрелости.

Незадолго до войны он закончил Астраханское художественное училище. Но проявить себя по-настоящему не успел. Началась война, и художник стал солдатом. Полковая школа, оружейный дивизион, нелегкие фронтовые дороги стали для него трудной школой жизни. Вместе со своим оружейным расчетом прошагал Илья Мендкович от Москвы до Берлина.

В редкие минуты затишья между боями он пытался делать наброски негнущимися, отвыкшими от карандаша пальцами и засыпал от усталости. Мечта о театре не покидала его.

...После демобилизации Илья Мендкович пришел в Астраханский музыкальный театр, где за год из дебютанта стал главным художником. Астрахань, Пенза, Иваново, Таллин, Воронеж и, наконец, Куйбышев, где в 1967 году он стал главным художником драматического театра имени А. М. Горького.

«Варшавская мелодия», «Тогда в Севилье», «Цезарь и Клеопатра», «Настасья Филипповна», «Гамлет», «Если тебе нужна моя жизнь», «Золотая карета», «Леша» — далеко не полный перечень спектаклей, над которыми он работал.

Для него художественное оформление спектакля никогда не становится просто фоном, на котором развертывается действие пьесы. Это самостоятельный и очень важный компонент спектакля, зримый художественный образ, помогающий режиссеру и актерам раскрыть содержание пьесы, донести до зрителя художественный замысел автора.

Декорации Мендковича от-

художнику свой замысел, который и воплощается. А порою образ спектакля рождается из множества проб и вариантов, из которых оба выбирают один — единственный, неповторимый.

Так было, например, когда И. Я. Мендкович и главный режиссер театра П. Л. Монастырский работали над будущим оформлением «Гамлета». Пробовали строить его на развалинах Эльсинора, возникало и традиционное решение «Дании-тюрьмы». Все эти варианты были возможными, но не единственными. Помогла, казалось бы, случайная деталь. Художнику на глаза попались клещи, самые обыкновенные слесарные клещи. И мгновенно возник образ спектакля-мышеловки, капкана, неумолимо захватывающего Гамлета в свое мрачное железное чрево. Отсюда появилась фактура материала: рваное, ржавое железо, старые рыцарские доспехи и черные, рваные облака, озаренные кровавым отсветом зари, как символы мрачной эпохи и страдающего сердца Гамлета.

Совсем по-иному рождалось оформление спектакля «Проделки Ханумы», веселой грузинской комедии по пьесе А. Чагарели. Комедийная легкость, южная пестрота, праздничная яркость красок — все это сочетается в декорациях Мендковича. На фоне стилизованного, как бы пустившегося в веселый пляс Тифлиса, развертываются на сцене события: в доме разорившегося князя Пантиашвили, в бане, на крикливом и пестром базаре. Одна-две броские детали создают атмосферу предместья старого Тифлиса. Получилось емко, образно, современно.

Кстати, понятие современности художественного

И ТУМАНОВСКАЯ.